

Ретроспектива и перспективы развития сельского хозяйства в России

© *И.П. Шабунин, 2003*

Статья представляет собой запись воспоминаний, которыми в октябре-ноябре 2002 г. Иван Петрович Шабунин поделился с нашим специальным корреспондентом д.э.н. Н.Н. Лебедевой. Вся трудовая биография И.П. Шабунина связана с Волгоградской областью, где он, окончив в 1958 г. сельскохозяйственный институт, вырос до крупного хозяйственного руководителя Волгоградской области: первого зампреда областного исполкома, курировавшего агропромышленный комплекс области. В 1990 г. на гребне перестройки его избирают председателем облисполкома, а затем Главой администрации Волгоградской области. Эту должность он занимал до 1996 года. В период с 1990 по 1993 год он был народным депутатом Верховного Совета Российской Федерации, с 1993 по 1996 – членом Совета Федерации Федерального собрания России, а с 1997 по 2000 г. работал первым заместителем исполнительного секретаря СНГ. С 2000 года Иван Петрович возглавляет общественный фонд «Губерния».

Громадный опыт работы в агропромышленной сфере, аналитический, далекий от всяческих идеологических шор и догм склад ума, прекрасная память, свободное владение богатейшим фактическим материалом делают его воспоминания бесценным свидетельством современника для всех, кто интересуется экономической историей России. Несомненный интерес представляют и его оценки перспектив развития сельского хозяйства в регионе.

Редакция выражает искреннюю признательность Ивану Петровичу Шабунину за предоставленную возможность познакомить читателей нашего журнала с его воспоминаниями и надеется на продолжение так успешно начатой работы.

На Западе фермерство развивалось как особый способ производства; для России же оно еще и образ жизни, условия жизни. Фермеру нужен был совхоз или колхоз как жизнепроводящая система, как среда, в которой он мог бы встать на ноги. В коллективных хозяйствах существовала материальная база: хранилище семян, нефтебаза, машинный двор, – и надо было только правильно построить взаимоотношения между этими хозяйствами и отдельными фермерами.

Сегодняшний фермер вынужден создавать всю инфраструктуру – и производственную, и социальную – самостоятельно. В поселке, где он живет, социально-психологический климат таков, что он вынужден уходить «на отруб», нанимать сторожей, бороться с хищениями, лишать семью возможностей полноценного образования, медицинского обслуживания, культурного досуга. А ведь он, как гражданин России, имеет право на все эти услуги,

гарантированные Конституцией страны, однако воспользоваться им не может, потому что оказался в положении Робинзона и на помощь ему никто не спешит.

Мы говорим фермеру: «Иди на свою землю и хозяйствуй там». Он пришел, завел свое хозяйство, но обслуживать его некому. Раньше одна нефтебаза заправляла Горючим всю технику совхоза. Чистота была, порядок. Теперь же каждый поставил бочку и грязным топливом заправляется. За год в железнодорожной цистерне из солярки выпадает осадок с толщиной слоя 70–80 см. Если эта грязь попадет в плунжерную пару, где зазор составляет долю микрона, агрегат вместо двух лет работы прослужит полгода. Мы только-только пришли к закрытой заправке, перестали наливать горячее из ведра в ведро и бочки и кузовах возить, когда машина в дальние рейсы идет, и опять ставим фермера в кустарные условия.

Фермерство – это не только способ производства: надо создать условия жизни для сельского труженика, искать варианты сочетания крупного хозяйства с мелким, организовывать единые службы специалистов, консультирующих фермеров, предлагающих новые сорта, породы, виды удобрений, знакомящих с новыми технологиями и т.п. Вот тогда фермер будет устойчиво хозяйствовать и с каждым годом все больше возможностей иметь для выкупа у совхозов и колхозов земли и техники. А получив землю бесплатно, фермер не знает цены ее, не бережет, не относится к ней как к инвестиционно-му богатству, а зачастую старается урвать что получше и уехать. А если бы 10 лет из его дохода деньги шли на выкуп земли, он бы ее ценил.

Сегодня разрешили землю продавать,

но ведь никто цены ее не знает. Я всегда выступал за частную собственность на землю, даже выговор в свое время получил за такие взгляды. В 1989 г., когда вышел Закон об аренде земли с выкупом, мы были ближе к земельной реформе, чем сегодня: земля тогда ценилась, находилась в обработке и приносила дифференциальную ренту, не только первую, но и вторую. Сегодня же земля не ценится. И как ее оценить, если в Волгоградской области, например, из 6,2 млн га земли обрабатывается только 3,2 млн – чуть больше половины?

Некоторые ученые, например Т. Заславская, считают, что все беды связаны с политикой Н.С. Хрущева, который определил, какие села будут развиваться, какие следует объявить бесперспективными и из каких людей переселить. Однако Хрущева сняли в 1964 г., а поголовье скота в индивидуальном секторе продолжало увеличиваться до 1968 г. А с 1968 г. вдруг резко пошло на убыль. Почему? Причин много. Я, например, считаю, что телевизор, который в эти годы вошел в быт сельского труженика, тоже оказал немалое влияние на изменение отношения к труду: тот, кто смотрит передачи до 12 часов ночи, корову доить в 5 утра не встанет. Кроме того, меньше стали крестьянские семьи. По переписи населения 1959 г. средний размер сельской семьи был 3,7 человека, а по переписи 1971 г. он уменьшился до 2,9. На селе активно шло строительство жилья, это положительный фактор развития. Семьи стариков оставались в старых домах, молодые уходили жить в новые, а корову ни те, ни другие уже не могли держать. У одних сил не было, у других – времени.

Государство, удерживая неизменны-

ми цены, тоже повлияло на отношение к подсобному хозяйству. Масло, например, стоило 3 руб. 40 коп. в магазине. На месяц хватало 2 кг, а это 6 руб. 80 коп. Пастуху же за выгул коровы в летние месяцы надо было заплатить 8 руб. Так какой смысл корову держать? И никто не анализировал эту ситуацию, потому что идеология ставилась превыше всего: пролетариат был объявлен гегемоном, и цены на продукты для него запрещалось повышать.

В 1960 г. средняя заработная плата была 78 руб., в 1970-м стала 132, а 1980-м уже достигла 200 руб. и более. Выпуск же продукции в таких размерах не увеличивался. В итоге потреблять начали больше, и не стало хватать товаров.

Сегодня мы производим мяса, молока в 2 раза меньше, чем в 1990 г. Цены не регулируются ни административным, ни рыночным способом, и в результате мы лишили возможности купить мясо, молоко, хлеб десятки миллионов людей. Некоторые едят мясо раз в неделю.

Но вернемся к расселению, о котором пишет Т. Заславская. Она хочет, чтобы человек жил в неперспективных селах, где пять-десять домов осталось, да и то хибары, в которых выбитый «глазок» в окне соломой закрыт, так как не хватало денег на стекло, да и купить его было негде. А человек не хотел жить в деревнях, где вместо фельдшера санитарку оставили, лекарств негде взять. Дети не могли учиться в таких поселках: не хотели ехать туда учителя. А достаток уже позволял и о переезде подумать. Город Волжский, в котором сегодня 30 тыс. населения, существует всего лишь 45 лет. Откуда жители взялись? А они из Заволжья все потянулись. Или район Дар-горы в Волгограде – клетские, суровикинские, жирновские...

Я считаю, что, наоборот, поздно Хрущев предложил создавать агрогорода. Если бы мы вовремя их создавали на центральных усадьбах, сельский житель мимо бы не проехал. Когда я работал в совхозе «Реконструкция», мы из поселка Минаевский за два года переселили 32 двора. Подгоняли трактор, сруб на сани ставили, перевозили на центральную усадьбу, где они до сих пор живут и процветают. О том, что часть деревень неперспективна, надо было объявить в самом начале установления советской власти или в период коллективизации. Тогда бы и расселение, и производство, и условия труда и быта были достойными сельских тружеников, и дороги бы были, и усадьбы...

Хрущев сделал очень много для развития сельского хозяйства, его вклад трудно переоценить. В 1950 г. сельское хозяйство было представлено забитой деревней, нищими людьми, которые кормились собственным огородом. Абсолютное большинство колхозов было в убогом состоянии. На трудодни начисляли копейки, а в неурожайные годы работники еще и оставались должны, так как на полях получали общественное питание, стоимость которого с них потом вычитали.

Диспаритет цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию был громадным: центнер пшеницы стоил 9 руб., т.е. 1 кг пшеницы продавали государству за 9 коп. Третья часть уходила на оплату работ МТС, которые она проводила на территории колхоза, на так называемую натуроплату. Всесоюзные, областные, районные инспекции по определению урожайности перед уборкой рассчитывали биологическую урожайность зерновых и брали ее в расчет для начисле-

ния натуроплаты за услуги МТС. Например, определили комиссионно, что урожай должен быть 15 ц с 1 га. Из них 40%, 6 ц, надо отдать МТС, часть отложить на семена. Но иногда даже семена сдавали в государственный семенной фонд. В колхозе оставалось фактически 4 ц. Можно так хозяйствовать?

Производство продуктов животноводства держалось на индивидуальном секторе. Молоко и мясо с каждой коровы тоже надо было сдавать государству. Я родом из Новоаннинки (хутор Бочаров), и я видел жизнь моих братьев в 1950 г. Они были нищие: хлеба не хватало, муку с мякиной смешивали, и ничего, кроме такого хлеба, у них не было.

Приехав к ним в 1956 г., я увидел совершенно иную картину: хутор освещен, на всех столбах лампочки, работала передвижная электростанция. Дома на столе соленья, моченья, сало, белый хлеб. Старший брат показал мне в чулане ларь с хлебом. Получили на трудодень килограмм зерна и 80 коп., так это было богатство. Надо было видеть их лица! У людей была радость за свой труд: вот как мы работаем! Миллионы людей вздохнули свободно.

Реформы Хрущева дали стимул промышленности: есть покупатель, есть кому заплатить за товары.

Мартовский Пленум ЦК КПСС 1965 г. тоже много сделал для развития сельского хозяйства, не только повысив закупочные йены, но и усилив материальную заинтересованность. Материально-техническое снабжение села обеспечивалось неплохо, рот и становились хозяйства на ноги.

Сегодня мы вернулись к тому, что было 200 лет назад в земледелии: классическое «трехполье» – пар, озимые, яровые. Может быть, такая система земле-

делия не подходит для Смоленской, Московской и других областей, а для степей она самая лучшая. В нашей зоне обязательно нужен пар: мы испытываем недостаток влаги, а пар позволяет накапливать за сезон до 150 мм осадков и получать хорошие всходы. Кроме того, пар помогает бороться с сорняками. Беда в том, что исполнители экономической политики были догматами. Нужно дать человеку возможность выбрать из 2–3 вариантов выполнения задачи лучший. Но этого не было. Если человек пытался думать, искать другие варианты, то его объявляли «врагом народа».

Надо было в свое время оставить кулаков: кто хочет – идет в колхоз, не хочет – организует фермерское хозяйство. В Израиле до сих пор есть кибуцы: желаешь – хозяйствуй в их рамках. Есть колхозы, есть и государственные хозяйства, есть фермерские – и все работают как надо. Во всем мире так. И лишь мы загоняем всех в одни рамки. У нас права выбора не было ни у кого: принцип «или с нами, или против нас» был перенесен во все отрасли хозяйства, в том числе и в науку.

Вот, например, академик В.Р. Вильямс (1863–1939) считается очень крупным почвоведом. Исследователи спорят, куда его отнести: к прогрессивным или регрессивным ученым? Конечно, к регрессивным, если человек написал в Москве учебник, который должен подходить для всех зон СССР. И самая главная его идея, что многолетние травы оструктурируют почву за 2–3 года, положила начало травопольной системе земледелия, оказавшейся несостоятельной.

Более творческий человек академик Н.М. Тулайков (1875–1937), знаток нашего юго-востока, директор Всесоюзно-

го института зернового хозяйства в Саратове, задал вопрос (за что и пострадал потом): «Миллионы лет здесь были травы, но почему до сих пор не оструктурились почвы?» На тип почвы влияет прежде всего количество осадков: там, где от 400 до 800 мм осадков – чернозем, где свыше 800 мм – подзол, а там, где до 400 мм осадков, – зона неустойчивого земледелия: год урожай, год засуха. Поэтому и севооборот трехпольный.

Я с большим уважением относился к ученику Тулайкова К.Г. Шульмейстеру. Он тоже пострадал от советской власти – 18 лет отбыл на Колыме за то, что разделял взгляды Тулайкова. Но он тоже ошибался. Севооборот, земледелие пришли к нам из Западной Европы. Там был плодосмен, характерный для местностей, где достаточно осадков. А у нас был севооборот с короткой ротацией, потому что влаги недостаточно. Такой не критический подход завел науку в тупик. Трудно оценить, какой вред нанес Т.Д. Лысенко и народному хозяйству, и науке. Это ведь профанация была: то торфяные горшочки делали, то дубы сажали. В нашей Волгоградской области были промышленные дубравы: одна в Ольховском районе, в совхозе «Липовский», а другая в Дубовском, совхозе «Баррикады». Самые лучшие земли были отданы под эти рощи: в одном совхозе 380 га, в другом – 410 га было занято дубами. В 1976 г. я доставал до верхушки дуба, которому 25 лет. А вырос он так мало потому, что тратит много энергии на сопротивление ветру.

Лысенко искренне верил, что овес превращается в овсюг при низком агротехническом фоне. В Целинограде ему председатель колхоза сказал, что исходя из тако-

го понимания, если по чистому пару посеять овсюг, то должен быть овес. Недогадал остался академик. Такие ученые нанесли только вред, хотя говорили, что помогают народному хозяйству.

Хрущев понял, что колоссальные резервы для сельского хозяйства скрыты в кукурузе. По его инициативе был заново создан Институт кукурузы, перед которым поставили задачу – вывести высокоурожайный сорт. Но кукуруза имеет длительный вегетационный период. Американцы работали в этом направлении и достигли успехов. Их сорта кукурузы созревают быстро, вегетационный период 85–90 дней: посеял в конце апреля, а во второй половине августа можно убирать. В это время в Америке стоит хорошая погода, и кукуруза в среднем дает 70 ц с 1 га, а в России – не больше 14–15 ц.

У нас зона для возделывания зерна кукурузы очень узкая – это Ростовская, Волгоградская области, Краснодарский край, а когда появились 90-дневные гибриды, то зерновую кукурузу можно было возделывать уже в Татарии, в Воронежской области. Если бы этими гибридами в 1985–1990 гг. серьезно занимались, то сегодня мы были бы обеспечены кормами сполна.

В Волгоградской области в 1990 г. разработали программу по увеличению производства зерновой кукурузы. Должны были засеять 500 тыс. га. Под эту программу построили завод в Николаевке, в ОПХ «Россия», а второй завод, недостроенный, стоит на территории Научно-исследовательского института. Два завода мощностью 30 тыс. т должны были обеспечить переработку зерна. Уже были договоры с Шаймиевым на поставку 10 тыс. т,

сейчас семена стоят примерно 1500 долл. за тонну и дают по 50–60 ц урожая. Этим надо заниматься, это перспективно.

Зерно кукурузы можно использовать в животноводстве, так как питательность его в 1,3 раза больше, чем ячменя. Например, на птицефабрике курица дает 220 яиц, если в ее корм добавляют кукурузу, а без кукурузы – не больше 200 яиц. В рационе может быть 80–90% кукурузы, надо только применять белковые добавки.

Когда Хрущев провозгласил в конце 1950-х годов: догнать и перегнать Америку по надоям молока – он был недалек от истины. Это сейчас они надаивают 5500 кг от одной коровы, а тогда лишь 3200, а мы – 2100 кг не так уж сильно мы и отставали. Надо было в то время зерновыми заняться, тогда бы и догнали.

Кукурузу убирал специальный комбайн, который скопировали с американских комбайнов «Питер» и назвали ККХ-2 и ККХ-3. ККХ-3 был более совершенным, он три рядка кукурузы сразу захватывал, а ККХ-2 – только два. Но он убирал початки в обертках, и зерно, полученное из наших гибридных сортов, имело 32–34% влажности. Для его досушки (зерно должно содержать только 14% влаги) не было соответствующих производственных условий, а значит, зерно гнивало.

Комбайны были малопроизводительными. Однако шло время, и у нас появился «Херсонец-7», который уже семь рядков; кукурузы захватывал и убирал хорошо, до 10 га в день, в то время как ККХ-2 мог убрать самое большее 3 га. Но вес комбайна, производимого на Херсонском машиностроительном заводе, увеличился на 800 кг; то вызвало резкую критику Хрущева на Пленуме. А ведь конструкто-

ры не виноваты: мы и в промышленности сильно отстали. У нас нет таких сталей, какие применяют за рубежом. Если там сельское машиностроение по значимости идет вслед за космосом, даже перед военной техникой по применению качественного металла, то у нас село в ряду получателей стоит последним. Поэтому и трактор получается тяжелым. Такое отношение к сельскому хозяйству не могло не сказаться на производительности труда. Недаром говорят американцы, что у них один фермер кормит 50 человек внутри страны и 27 – за ее пределами, т.е. производит продукции на 77 человек. А в России вообще думают, что можно закупать и ввозить продовольствие в страну и тем самым решать проблемы сельского хозяйства. Большую страну нельзя накормить только импортным продовольствием. Например, для Волгограда минимальная дневная потребность – 1 тыс. т молока, 700–800 т мяса. Можно это закупить, но привезти невозможно из-за ограниченной пропускной способности транспортных путей.

Пример из жизни. В 1978 г у нас в области был самый высокий урожай – валовой сбор составил 8 млн т. В Совмине в 1979 г. наш куратор И.Т. Ростов сказал: вот, мол, хорошо бы вам в этом году получить 15 млн т зерна.

– За что вы на нас так обиделись, Иван Тихонович? Нас же в тюрьму посадят, мы такой хлеб не сможем убрать, мы его сгноим.

– Да ну, Иван Петрович, вся страна вам поможет, и вы уберете.

– Да нет, если и уберем, то на элеваторах сгноим. У нас ведь емкость элеваторов 3,5 млн т, если мы 15 млн т соберем, то 12 т должны сдать. А мы больше 800 тыс. т

месяц не развезем из-за ограничений в погрузке на элеваторе. Поэтому 12 млн т мы будем вывозить 15 месяцев. Сгниет зерно за это время, да и элеваторы нужны будут уже под новый урожай.

Это только несведущие люди думают, что все выполнимо.

Вот сегодня среди селян прошел слух, что зерна много и поэтому его отправляют на экспорт, вывезут пароходами. Надо ждать, когда цена подрастет, и тогда реализовывать, а у России остался один порт – Новороссийск, и за сезон он не может пропустить больше 600 тыс. т. Предварительно необходимо расширить подъездные возможности, обновить причальные стенки, погрузочные модули и т.п.

Американцы имеют громадную развитую инфраструктуру. Когда подлетаешь к Сент-Луису, видишь, какие элеваторы стоят: емкостью на 2 млн т зерна. А рядом построили спиртовой заводик, где перегоняют кукурузу на спирт, добавляют 20% бензина и продают. Ведь это возобновляемое топливо, кукурузу-то каждый год получишь, а нефть не возобновишь. Конечно, чем-то лучше стал жить человек, и это положительный факт нашей жизни, но много и отрицательных: было в Волгоградской области крупного рогатого скота 430 тыс. голов в общественном секторе, а теперь 70 тыс.; свиней было 1,4 млн, а осталось 250 тыс., в том числе 100 тыс. в комплексе «Краснодонский»; было 3,5 млн овец, осталось 300 тыс. Крепкие хозяйства на селе – вкрапинками, единичными явлениями.

Плохо, что некомпетентность стала воинствующей и бесцеремонной. Намолотили 2,5 млн т зерна в этом году – и журналист безграмотный кричит: «Победа, рань-

ше за это орден Ленина области давали». Но он ошибается, давали за продажу государству 2,5 млн т зерна, а намолачивали-то 5–6 млн т. Этот журналист дезориентирует общественность, которая будет считать, что крестьяне напрасно жалуются, ведь все у них хорошо. Вместо того чтобы показать бедственное положение крестьян, все СМИ расписывают победы и тем самым успокаивают общество, которое не чувствует остроты положения. Ведь на селе из 18 тыс. зерноуборочных комбайнов осталось 4,5 тыс. Сегодня надо принять все меры, чтобы дать сельскому хозяйству подняться, встать на ноги.

Как мы относимся сегодня к сельскому хозяйству? Вот М. Касьянов при посещении Волгоградской области говорит министру сельского хозяйства: «Сколько мы выделяем в этом году средств на лизинг? Три миллиарда рублей?» Человек несведущий и думает: как хорошо селу помогают. А только одной нашей области надо 4 млрд руб.! Если не поймем, что никогда бюджет не сформируешь без сельского хозяйства, не сдвинемся с места. Волгоградское село дает работу 220 тыс. человек из 1 млн 100 тыс. жителей, но оно ведь дает работу еще 300 тыс. человек за пределами сельского хозяйства. Молочных заводов в области 36, значит, там 6 тыс. человек заняты, мясокомбинатов 13 – еще 5 тыс. человек и т.д. Только в АПК были заняты 350 тыс. человек: 220 тыс. в сельском хозяйстве, 130 тыс. за его пределами, а с учетом тех, кто поставлял продукцию для села, – уже 600 тыс. человек. По сути дела каждый второй получал работу благодаря селянину.

Е. Гайдар и другие внушали, что государство не должно вмешиваться. В экономике все отрегулируется само собой.

Вот сейчас бюджетные работники и бедствуют без регуляции. Что значит получать в науке, медицине, образовании 2 тыс. руб. заработной платы? Школьника снарядить 1,5 тыс. руб. не хватит. Во всех странах цены регулирует государство. Оно не должно вмешиваться директивно, приказами, но есть же другие пути, экономические. Например, можно создать агропромышленный консорциум, и все туда добровольно вступят. Ведь если производитель будет получать 42% реализационной цены – а мы так делали, когда корпорация была, то он будет заинтересован сотрудничать с нами.

Надо, чтобы государство кредит дало крестьянину на покупку трактора, других материальных средств. Это позволит привлечь крестьян в консорциум. Больше того, необходимо думать, куда сегодня вкладывать деньги. Например, параллельно создавать крахмало-паточное производство, спиртовое. Даже в Европе существует дефицит крахмала.

Любить надо землю, и людей, на ней живущих. И делать так, как люди, их опыт, практика подсказывают. Вот тогда будет и у нас зажиточность на селе, да и в стране в целом.

Статья поступила в редакцию 3.02.2003 г.